

Йоханнес Аньоли
Всё ещё не друг государству
1988

Скопировано 08.10.2026 с
<https://liberadio.nublogs.org/index.html%3Fp=500.html>
*Беседа с Клеменсом Нахтманом и Юстусом Вертмюллером
для газеты Arbeiterkampf (Рабочая Борьба). Опубликовано
впервые в Arbeiterkampf № 208, 18.09.1988. Перевод с
немецкого: «Und immer noch kein Staatsfreund; в: Johannes
Agnoli – 1968 und die Folgen»*

ru.anarchistlibraries.net

Всё ещё не друг государству

Йоханнес Аньоли

1988

РБ: Йоханнес, первое слово как от собрата по оружию к собрату по оружию (1) – после измельчания протестного движения шестидесятых годов, и с тех пор как марксизм в ФРГ овладел не массами, а завоевал профессию – ты остался среди тех, кто, как и прежде, преследует цели эмансипации своим теоретизированием. Т.е. тех, кто не видит своей задачи в «продуктивном» обогащении актуальной науки посредством «марксистской теории» – а остался контрпродуктивным элементом, и в своей области, в «критике политики», проявляет себя как решительного врага государства. Я правильно говорю?

Аньоли: Я предпочитаю определение Штернберга. Он утверждал, что я не являюсь «другом государству», и я тем более предпочитаю так говорить, скажем, по полицейско-правовым причинам, ибо враги государства, как известно, преследуются и не имеют права быть профессорами. Я хотел бы совсем коротко сказать о, скажем так, научно-теоретической позиции, которую я представляю. Я как-то раз на мероприятии Института имени Отто Зура о смысле и целях политологии сформулировал это так: по моему

мнению, единственно верной задачей политологического исследования сегодня является субверсивная (подрывная) наука. Большого не предвидится пред лицом всеобщего политического отступления левых.

Всё прочее, что в нашей науке не является подрывным, в принципе, в конечном итоге – аффирмативно. Я не хочу сказать, что я единственный, кто развивает эту субверсивную науку. Я думаю, к примеру, об Эккхарте Криппендорфе: он хотя и не марксист, но со своей позиции вступил в борьбу с милитаристским государством, и последовательно ведёт её дальше. Вопрос в том, что другие левые профессора, я не хочу сказать, что они подались к правым, вынуждаются объективными условиями «печь булочки поменьше». С другой стороны, мне хотелось бы, чтобы они всё же выказывали – не хочу сказать «мужества» – но больше критической решительности. Речь о том, чтобы – не важно, марксист или нет – подвергнуть основания политической формы критике; в то время как во время так называемого кризиса марксизма, который является на самом деле кризисом многих марксистов, и больше ничего, многие товарищи, профессора, которых я всё ещё рассматриваю как товарищей, перешли к критике неблагоприятных условий и денунциации превышения полномочий, в то время как, по моему мнению, заниматься нужно именно критикой условий (вообще) и денунциацией нормального «использования» политики. Неблагоприятные условия и превышения полномочий являются, так сказать, побочными эффектами всякой системы и не столь важны; важно то, что условия фальшивы, а применение политики – правильно в том смысле, что политика воспринимается серьёзно как метод применения власти и эффективно используется. То, что политика – это захват и применение власти, вот это должно критиковаться в политической науке. **РБ:** С другой стороны, нужно ведь замечать, что с

70-х годов довольно большое количество называющих себя левыми людей пошло в университеты. Но большинство из них остановились на весьма обобщённом сорте критики, занимались, к примеру, «определением государства», имеют левые претензии, но когда они выступают вне семинаров, то выказывают либеральную...

Аньоли: ...либеральную протестную позицию. Немецкий народ – это не народ революционеров, он стал народом «резолуционеров», левым народом, левым профессорским народом. Это та причина, по которой я отказываюсь иногда, иногда это надо делать, подписывать какие-нибудь резолюции. Резолюции обладают как раз противоположным действием, чем то, каким они должны обладать: они служат выражением протеста, т.е. доказательством того, что мы живём в приличном государстве, где каждый может протестовать так долго, сколько ему угодно.

РБ: Откуда идёт это явление именно у левых профессоров, как ты думаешь?

Аньоли: Это явление профессоров или, если посмотреть в общеевропейском плане, с включением или без включения Перестройки, не бросается ли в глаза, что ход истории снова показывает, что он характеризуется скачкообразным движением? Можно сказать, что во всей западной Европе в наше время не только левые профессора, но все левые тотально сдают позиции. Теперь важно то, как отреагировать. Одни реагируют так, что полностью идут в учреждения – я имею в виду не научные, а политические – и считают, что могут внести в эти институты левый элемент. Другие просто отчаиваются. Когда я думаю о коллегах, которые всё ещё стоят на левых позициях, если посмотреть рационально, то я вижу, что тут царит всеобщая усталость, усталость от борьбы. И есть ещё одна возможность, которая, конечно, очень трудна, и которую, бывает, и не понимают, это – (...) подрывная деятельность.

Это, конечно, более трудное дело, чем просто заниматься нормальной научной деятельностью. С другой стороны, у них вполне есть оправдание, когда они говорят, что студентам нужен нормальный материал для учёбы и экзаменов. И в самом деле, я должен самокритично сказать (я, конечно, этому рад): то, что я делаю, не так важно для экзаменов, ибо невозможно, чтобы студент, к примеру, на экзамене, дал на вопрос предложенный мной ответ – ведь тогда бы он провалился. С другой стороны: я пытаюсь защищать этих коллег. Во-первых, все они моложе меня, а когда достигашь определённого возраста, то становишься неспособен к улучшению характера. И во-вторых: не всякий обладает этой тенденцией – действовать просто деструктивно: это то, что я у себя определил бы негативно. Можно сказать: я не способен к конструктивному мышлению.

РБ: Что могло бы, по твоему, называться «конструктивным мышлением»?

Аньоли: Тут я чувствую себя в единстве с Кантом «Критики чистого разума», с «разрушителем всего», и с Карлом Марксом! Когда ты читаешь труды Карла Маркса, то покажи мне хоть одно «конструктивное» место! Маркс рассматривал разрушение как своё дело, и я делаю это тоже. Конечно, тут появляется известный упрёк: а что ты можешь предложить лучшего? И тогда я отсылаю к исторической аналогии. Если поразмыслить, как свершалась буржуазная революция: подготовленная буржуазная революция могла предложить идеи – свободу, равенство и братство – могла предложить также и определённые институциональные формы: к примеру, чтобы представительство народа обладало властью принимать решения – но не более того! Всё остальное было философией. Они же не предложили готового государственного аппарата, каким он должен был быть после революции. И так со всеми революциями: идея, общая перспектива присутствует – обобщённая в знаме-

или гранаты, а общественный взрыв – то вполне возникает возможность для этих коллективов вступить друг с другом в контакт и действительно что-то совместно создать. Пример, исторически достоверный пример, уже был дан Ноябрьской революцией в Германии. Она, конечно, не была социалистической – или не стала социалистической. Но когда представишь себе, что совершенно спонтанно, против воли СДПГ, без участия профсоюзов, из Киля по всей Германии распространились солдатские советы в течение одной недели, и некто не отдавал для этого приказа – то это можно понимать как направление, в котором нужно работать.

РБ: Йоханнес, спасибо за беседу!

1988

1) Аньоли обычно обращался к студентам на своих семинарах и лекциях немецким переводом слова «Kommilitone»: «Брат / сестра по оружию».

2) Вольфганг Абендрот: немецкий политолог и юрист, социалист, 1906 – 1985.

3) Удо Кнапп: был некоторое время председателем SDS, немецкого социалистического союза студентов.

4) Рудольф Баро: философ, эколог и политик, инициатор “экологической платформы” в PDS (Партия Демократического Социализма), 1935 – 1997.

нитой ассоциации свободных и равных, – но это было бы действительно дурной утопией в стиле ранних утопистов (которые в своей исторической ситуации были хорошими утопистами), проектировать окончательную форму и организацию общества.

Некоторые элементы могут быть разработаны уже сегодня, в некотором смысле – в преддверии, в процессе движения. Это то, что я считаю реальным. Это годно для оперативного уровня политического движения. В этом заключается моя, наверняка вам известная и не очень приятная критика ленинизма: форма организации нацеленного на эмансипацию движения должна предвосхищать эмансипацию. Революционная организация, являющаяся строго иерархической, создаст строго иерархическое общество. История показывает это, и в этом и теоретически ничего не изменить – выпустим исторический опыт из виду, ибо история не всегда бывает права: с точки зрения теории существует слишком тесная связь между целью и средством, чтобы можно было сказать: революция совершится, цель будет достигнута. И что мы построим? Общество с категориями, которые у нас в голове: и этими категориями являются: приказ, обладание, иерархия, подчинение, дисциплина и т.п.

РБ: К организационному вопросу мы ещё вернёмся позже, а пока мы ещё хотим немного позаниматься теорией. Ты высказался примерно так: мол, марксистская теория должна вести себя негативно, критически и деструктивно; если бы она взялась позитивно конструировать общество, то она – если мыслить последовательно – сама понимала бы себя как субъект истории, которым являются лишь борющиеся за освобождение люди, а они в процессе движения сами разберутся, как должно выглядеть общество. Пока что всё созвучно. Но критика не тождественна критике. Ты сам уже указал на то, что ты не разделяешь

формы критики, которые цепляются за условия и превышения полномочий в политике. Тут я имею в виду прежде всего, назовём это «марбуржской аргументацией», которая используется многими от СДПГ, через «альтернативно-зелёных» до ГКП, и темой которой является противоречие между, в общем-то, правильной конституцией и «ах, такой плохой» конституционной реальностью. Что ты думаешь об этой форме критики и что ты понимаешь под «критикой политики», твоей теоретической областью?

Аньоли: Да, это противоречие между нормой и реальностью. Эта аргументация играла в ФРГ долгое время очень важную роль, также и касательно критики существующего. В сущности, она идёт от Абендрота (2) и играет и сегодня свою роль, я не говорю, что мы в ней сегодня не нуждаемся. Но этого, мне кажется, мало. Прежде всего: это, в принципе, критично организованная, но всё ещё аффирмативная наука. Почему? Потому что эта перспектива говорит: власть имущие в Бонне, т.е. политический класс ФРГ, постоянно нарушают нормы. В этом высказывании, однако, содержится, что норма, в этом случае – государство конституции, является чем-то хорошим, в то время как, по моему мнению, критиковать надо как раз эту норму, т.к. она не является чем-то прекрасным, идеальным, что следовало бы защищать. Т.к. норма является отлитой в определённых формах, правилах реальность. Норма – это не то, что формирует сверху вниз реальность, но она в определённом смысле поднялась от реальности. Возьмём к примеру статью №20 Основного Закона ФРГ с чисто репрезентативным характером демократии, республикой, парламентской системой: ведь это не «прекрасная» сама по себе норма, которую, к сожалению, избранные представители не соблюдают, а скорее постоянно нарушают. Теоретическая ошибка заключается не в том, что представители

бойкота выборов, т.е. те, кто сдавали испорченные бюллетени, третьей по силе партией, а это вполне выводит систему из строя. Но в Германии это невозможно.

РБ: Ты только что сказал, что инструмент «партия», в любом случае, в буржуазном смысле, не работает для каких бы то ни было левых. Как ты представляешь себе именно в эти отчаянные времена программу, как должны вести себя революционные левые, и в какой форме они должны организоваться?

Аньоли: На это у меня есть стандартный ответ. Уже как 20 лет я занимаюсь проблемой и всё ещё не нашёл решения. Но именно в этой отчаянной ситуации нужно обладать мужеством, которым обладают автономы. Т.е. это означает: не обязательно искать формы организации, но в определённом смысле организовываться вокруг содержания. Я могу себе представить, что в сегодняшней ситуации отдалённо связанные друг с другом, но ясные по содержанию и наделённые разумом коллективы (может быть, базисные группы, ячейки, как угодно, поле деятельности широкое) являются первым шагом, который можно сделать. Т.е. не совершать старой ошибки коммунистических групп (к которым вы относитесь): сначала мы создадим что-то вроде центрального комитета, массы придут потом сами. Очевидно, это неверный путь. Куда важнее работать на базисе и создавать небольшие устойчивые группки. Как они потом друг с другом свяжутся, это будет зависеть отчасти от общественного развития.

Тут я ни в коем случае не пессимист. Я считаю, что пророков сегодня нужно искать на другой стороне. Сначала пророками были мы: революция грядёт! Теперь другие подались в пророки и говорят: наука доказывает, что до революции дело не дойдёт. А я говорю: человечество куда подвижней, чем наука иногда думает. Однажды будет взрыв. И когда взрыв произошёл – я не имею в виду бомбы

Аньюли: Да, я считаю это неизбежным процессом, т.к. формирование партии со всеми присущими партиям преимуществами, которые гарантирует конституция, выливается в то, что партия полностью встраивается в систему. Участие в выборах – это весьма двойственная вещь. Но сначала – о партии. Чтобы совсем коротко: я считаю, что партия в классической форме больше не способна быть инструментом освобождения. Тут нужно придумать что-то новое. Ибо партия, как она сконструирована, и вообще, как она вступает в предвыборную борьбу, должна обладать определёнными жёсткими структурами и приспособиться к законам государства, даже если она с ним борется. Ленин ясно сказал в «Что делать?»: поскольку царистская система такая, а не другая, нам нужно создать соответствующую контр-организацию. Но это означает также – приспособиться к образу действия противника. Левая партия сегодня вынуждена быть такой же партией как и все другие. Если она к тому же ещё и участвует в выборах, то ей всё равно придётся выполнять определённые условия, вполне в смысле буржуазного государства. Участие в выборах, собственно, и есть проблема. Выборное право является завоеванием. Важно то, как это завоевание теперь оперативно и конкретно-институционально используется. Выборное право сегодня в ФРГ именно заставляет партии вести себя соответственно с конституцией. Показательно, что КППГ в своё время участвовала в выборах, хотя это было бессмысленно, только ради статуса партии, т.е. чтобы получить партийные привилегии. Так, уже готовность пользоваться этими привилегиями означает признание статуса кво, политически-формального статуса кво. Вопрос, некоторое время обсуждавшийся в Италии, был вопросом бойкота выборов. Это тот вопрос, который в Германии просто не имеет смысла, т.к. потенциала для бойкота выборов нет. Я думаю, лет десять назад, в конце 70-х, в Италии группа

народа не представляют народ, а в том, что принцип представительства не ставится под вопрос: принцип «свободного мандата», т.е. абсолютное разделение между политическим классом и остальным населением. Но тут, кстати, нужно развивать теоретическую фантазию, чтобы увидеть, как можно эту проблему решить.

Я не придерживаюсь мнения, что проблему можно решить лозунгами вроде «прямая демократия» или «плебисцитарная демократия», как это практикуется Зелёными. Прямая демократия в смысле тотальной децентрализации и плебисцитарная демократия не переносят друг друга, т.к. в плебисцитарной демократии весь народ призван принимать решения, в прямой же демократии царит принцип локальных коллективов. Т.е. это проблема, которую надо бы теоретически выдискутировать, как там можно найти решение. Но как уже было сказано: остановка на «критической политологии» кажется мне неправильной, т.к. «критическая политология» всё ещё ищет лучшей формы власти и нормирования лучшей формы власти. «Критика политики» же хочет положить конец власти. Может быть, это утопия, но мы не должны забывать – как это сформулировала депутатка от Зелёных на одном конгрессе – что всё наше повседневное общественное действие развивает совершенно иное качество, когда мы ориентируемся на утопию, чем когда мы изначально утверждаем, что разделение между правящими и управляемыми коренится в природе человека: владычество как, своего рода, неизбежная судьба.

«Критика политики» – это отрицание этого так называемого исторического закона, который якобы неизменен, и который иногда защищается довольно странным образом. Говорят, что даже ангелы имеют иерархическую структуру, даже в курятнике есть порядок на сидках, но мы находимся в счастливом положении, не являясь ни ангелами, ни

курицами. Разница между ангелами и курицами с одной, и людьми с другой стороны заключается в том, что человек обладает умом и рассудком – ангелы обладают лишь святым духом, а на стороне кур – голая власть природы. Это было бы, кстати, ещё одним показателем того, что человек хотя и является природным существом, но не растворяется в природе, ибо если природа предписывает иерархический порядок, то задачей человека является пойти против природы. Быть человеком – это иная природа, чем природа лошадей, кур и свиней.

РБ: Попытаемся же и дальше заниматься вопросом природы с точки зрения развития левых в ФРГ и Западном Берлине, которые угодили в подозрительную близость к природе после угасания протестного движения и с восхождением «новых социальных движений», где человек был темой как «часть природы» в экологическом движении, или «угроза человеческому виду» – в антивоенном движении. Левые подхватили эти ни в коем случае не оригинальные марксистские темы, участвовали в этих движениях и считают это отчасти всё ещё необходимой и важной частью левой политики. Как ты оцениваешь эту ориентацию левых после протестных движений на движения «одной темы»?

Аньоли: Экологическое движение нельзя рассматривать как продукт студенческого движения. Удо Кнапп хотя и говорит, что Зелёные являются законными наследниками 60-х годов, но это верно лишь постольку Удо Кнапп (3) был активен в 60-х годах и теперь оказался у Зелёных. Экологическое движение изначально происходит из совершенно другого угла: забыто, что политик ХДСГ, Груль, стоял в его началах. О Баро (4) я тоже не могу сказать, что он был как-то связан с восстаниями 68-ого года, если подумать, что тексты Баро – я раз разговаривал с ним – ни в коем случае не являются текстами Маркса, но и не тек-

завораживают, они, действительно, несут с собой много преимуществ...

РБ: ...деньги и безопасность...

Аньоли: ...не только деньги и безопасность...

РБ: ...я имею в виду не столько материальную обеспеченность...

Аньоли: ... именно, есть определённые правовые гарантии, и их нельзя просто так отложить в сторону. Я хочу упразднить право, я хочу упразднить государство. Но право, которое я хочу упразднить, не конкретизируется в правах человека, т.к. права человека вообще ничего общего не имеют с правовой системой. Это претензии человека к обществу или к самому себе, в то время как правовая система является нормированной системой порядка, нормированной объективной системой принуждения, и это кое-что другое. Проблема заключается в том, что обе области опираются на слово «право». «Право провозглашают», свод гражданских законов является «правовой системой», у меня есть «право» быть свободным и у меня есть «право» обжаловать свои «права».

РБ: Ещё раз перейдём от альтернативно-зелёных к теме партий как выборных организаций. Ты всегда указывал на то – и тут ты стоишь среди левых профессоров, в любом случае, в одиночестве – что, партия как псевдоконституционный орган ФРГ стала точкой опоры государства, что она должна выполнять столько государственных задач, что от этого изменилась её функция. Вопрос в том: насколько для левых принципиально – не принимая в расчёт альтернативно-зелёных – интересен партийный проект в смысле партии для выборов. Возможно ли это, или ты считаешь, что затея с самого начала и необходимым образом закончится там же, куда, по всей видимости, направляются альтернативно-зелёные?

конституционном органе ФРГ, о псевдо-государственном институте. Проблема выглядит уже иначе. В игру вступают всякие оглядки на «правила игры» демократии. Следующие выборы не за горами, т.е. нужно быть соответственно оппортунистическим, «готовым к компромиссам». Волшебное заклинание звучит как «готовность к компромиссам» – но есть моменты, в которых левые не имеют права идти на компромиссы. Левые не могут зваться левыми, если они признают рыночную экономику. Это сейчас проблема в Италии. Итальянские социалисты больше не считаются среди левых левой партией, т.к. они выступают за рыночную экономику и за гуманизацию капитализма, гуманизацию рабочего места, например.

Но рабочее место остаётся фабрикой по перемалыванию костей, можешь там гуманизировать, сколько хочешь. Не то, чтобы я говорил, что левым нужно покинуть Зелёных, но левые должны понимать, в какие противоречивые ситуации они себя ставят. Прежде всего, они не должны забывать, что одно из самых больших преимуществ буржуазных институтов заключается в их липкости. Когда ты угодил в них, то тебя просто засасывает, ты вливаешься в липкую массу. Когда я говорю: «буржуазные институты», то я не имею в виду все институты. Школа – это, к примеру, не буржуазный институт, ибо школы есть во всех общественных системах. Но я имею в виду государственные учреждения. Чтобы назвать пример: в 60-х некоторые студенты так поняли мои тезисы о «Трансформации демократии», мою критику парламентаризма, что стали призывать к бойкоту выборов в студенческие представительства. Это, конечно, глупость, т.к. это не те институты, о которых я говорю. Это разные уровни, ибо студенческие выборы это нечто, что развивается на общественном уровне, а не на государственном. И в этом различия, которые левые должны замечать у Зелёных. Конечно, буржуазные институты

стами Гегеля или Канта, или Франкфуртской школы; его «исходный» текст – это «Часослов» Рильке, а поскольку я знаю «Часослов» Рильке, можно утверждать, что Баро со-товарищи кружат вокруг Бога, старинной башни, и кружат тысячелетиями, и они всё ещё не знают, чем являются: соколом, штормом или хоровым пением. «Новое отношение к природе» – не продукт движения 68-ого года, или, чтобы вернуться к вопросу и ответить по-профессорски: марксизм по своей цели, по причине и по историческому развитию – гуманизм, а для гуманиста высказывание «Природа ценна сама по себе» не имеет смысла, или тем более, как сказал новый министр защиты окружающей среды в Шлезвиг-Гольштейне на заседании в северной Германии: «Природа красива, даже когда в ней не живёт ни одного человека». Более того: центральный пункт, мерило всех вещей, говоря вместе с Пифагором – это человек. Что это означает, я обозначаю в негативном смысле высказыванием Гегеля. Гегель где-то сказал: преступник стоит выше невинности растений или вечного порядка звёзд, ибо то, что в преступнике заблуждается, это всё ещё разум. Т.е. это значит: центральным пунктом является человек. Кроме того: красота ландшафта – это весьма эстетическая категория.

«Эстетика» происходит от «aísanomein» и означает «смотреть», т.е. кто-то должен быть, кто рассматривает, чтобы природа была красива – в противном случае природы вообще нет. Это значит, иначе говоря: я придерживаюсь мнения, что кризисное явление в марксизме отчасти объяснимо тем, что многие марксисты, восхищённые этим новым методом ориентации на природу, покинули истинно гуманистические позиции. А в марксистской мысли оно так: и это уже материалистический фундамент, что человек выделяется тем, что он является природным существом, которое в то же время утверждается против природы, ко-

гда животные и растения являются существами, которые утверждаются в природе. Это, по моему мнению, исходный пункт, с которого нужно заниматься всем. Недавно стали говорить о «достоинстве животного» – глупая болтовня, останавливающаяся перед паразитами и крысами: в принципе, инструментальное мышление, т.к. животное, которое обожают, это прекрасное животное, которое нас радует, а не животное, которое вредит. И тут Кант сказал в свою очередь нечто очень правильное. Он сказал, что человек обязан хорошо обращаться с животными, но не из-за «достоинства животного», а из-за достоинства человека. Человек обязан своему достоинству хорошо обращаться с природой, а не «достоинству природы» – это кажется мне пунктом, который действительно полностью входит в марксизм.

Марксизм антропоцентричен: если мы отказываемся от *anthropos* как от центра, то мы действительно постепенно угождаем в эту кашу души, в которой всё политическое, всё общественное теряет чёткие контуры, из которой тогда действительно придётся ловить рыбку в мутной воде. В последнее время у Зелёных, да и не только, было много высказываний, которые указывают на то, что мы снова разрушаем разум. Мы знаем, что разрушение разума, и все эти антипросветительские аффекты, которые возникают, означают, что иррациональное пробивается на поверхность. Что это означает в политическом плане, мы знаем, мы достаточно насмотрелись этого в истории. Это воззвание к эмоциональности забывает, что всякая эмансипация всегда взывала к разуму, и никогда – к чувству, это всегда реставрация и реакция, которые отсылают к чувству.

РБ: Но мне всё равно хотелось бы ещё раз обратиться к «новым левым». Когда ты говоришь, что это не они создали экологическое движение, это понятно. Но они ведь существенно повлияли на него тем, что там не только од-

нажды появились такие странные фигуры вроде Землера, но и тем, что начиная с антиатомного движения и позднее, с формированием «альтернативно-зелёных», очень, очень большие части, в действительности тысячи, включая самых способных людей Новых Левых, начиная с середины 70-х годов, влились в эти «новые социальные движения», т.е. в конце концов, в Альтернативно-Зелёных. Как ты это оцениваешь – теперь, после всего, в 88-ом году можно рискнуть оглянуться назад: «проект» конкретно облажался или ты видишь в этой переориентировке с универсального эмансипаторного притязания, которое ещё оказывало влияние на протестное движение 60-х, на «одно-темное» движение, на определённые повстанческие потенциалы населения и что-то позитивное?

Аньоли: В этом вполне можно видеть что-то позитивное, а именно потому, что как раз эта смена Новых Левых на Зелёных привнесла в экологию антикапиталистический элемент. Т.к. это «зелёное» представление: вот тут экология, а тут – экономика, настолько дико, что со временем у Зелёных начинают поговаривать об «экологическом капитализме». И тут у левых (...) есть действительно совершенно определённые задачи: отодвинуть эту призрачную перспективу «экологического капитализма» в сторону. Капитализм с «человеческим лицом»! Как можно с одной стороны иметь своей программой и своей целью предотвращение разрушения природы, а с другой стороны призывать способ производства, который вообще живёт за счёт разрушения природы? Посему левые вполне были тут значимы. Вопрос к левым зелёным заключается в том, внесут ли они свою левую позицию в партию Зелёных или откажутся от неё. Это проблема, которая отчасти связана с процессом институционализации. Если бы речь шла о движении, движении, в которое был привнесён левый элемент, тогда всё было в порядке. Но речь идёт не о движении, а о